

ББК 63.3(28Рос-4Кем)632-3

*В.В. Онищенко***Трудная дорога к правде
(о реабилитации жертв политического террора
в Кузбассе)**

Ключевые слова: история российских спецслужб, реабилитация, политические репрессии, органы безопасности, «враги народа».
Key words: history of Russian security service, rehabilitation, political repression, security services, «enemies of people».

Время беспристрастно. Все меньше и меньше остается живых свидетелей исторических событий, но человечество не теряет нитей с прошлым, есть молчаливые его свидетели – документы архивов.

Испытывая чувство сопереживания и сострадания к тем, кто в свое время, будучи невиновным, попал в жернова политических репрессий, изучая архивные документы, наши современники задумываются над жизненными уроками прошлого, переосмысливают причины и последствия трагических событий, связанных с массовыми политическими репрессиями в советском государстве.

В 1930-е гг. к «врагам народа» руководство ВКП(б) отнесло лидеров и сторонников партийной оппозиции, людей, выражавших сомнения в правильности политической линии коммунистической партии большевиков, среди которых было немало патриотов. В это число попадали рабочие, служащие и сельские труженики. Сюда же включали и тех, кого когда-то исключали из рядов РКП(б)-ВКП(б), кто являлся близким родственником репрессированных и многие другие.

По предварительным подсчетам в 1920–1950-е гг. в Кузбассе по политическим мотивам репрессировано более 40 тыс. чел. [1, с. 573].

Выход в свет Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. положил конец массовому террору и дал первое начало реабилитации жертв политических репрессий.

Как вспоминал ветеран госбезопасности Н.Ф. Крылов, «в конце 1938 г. приезжают к нам из Москвы работники прокуратуры. Представляют нового начальника – подполковника Бусыгина. Человек он прямой, открытый. Вызывает меня к себе, с ним в кабинете работник московской прокуратуры [...], дают несколько дел на отправленных в лагеря по аресту. Начался пересмотр обвинений...» [2].

9 мая 1940 г. приказом УНКВД СССР по Новосибирской области была создана и действовала следственно-оперативная группа по пересмотру архивноследственных дел на осужденных бывшей «тройкой» УНКВД по Новосибирской области [3, л. 59]. Но эта работа осуществлялась непродолжительное время, серьезных результатов не имела и вскоре была прекращена.

После смерти Сталина процесс реабилитации жертв политического террора прошел большой и трудный путь. Как отмечал кузбасский ветеран-чекист Виль Григорьевич Рудин, «...в 1954 году, еще за два года до XX съезда партии и буквально оглушившего меня доклада Н.С. Хрущева о культе личности Сталина, следственный отдел Кемеровского УКГБ начал пересмотр уголовных дел 1937–1938 годов. Весь Кузбасс был поделен между работниками отдела, и мне достался юг: Новокузнецк, Осинники, Мундыбаш, Таштагол, Мыски. В моем кабинете установили огромный железный шкаф с внутренними замками, где выстроились рядами первые десятки поднятых из архива дел [...]. В течение последующих лет отдел пересмотрел около двенадцати тысяч архивных дел – тысячи человеческих судеб. Есть в этом доля и моего труда...» [4, с. 133].

Вспоминает делегат XX съезда партии Е.З. Разумов (Евгений Зотович Разумов работал в Кузбассе с 1948 г. заведующим оргинструкторским, идеологическим отделами, редактором областной газеты «Кузбасс», секретарем, вторым секретарем обкома КПСС): «... не ставлю своей задачей всесторонне анализировать значение съезда. Подчеркну лишь направленность его на борьбу с нарушениями социалистической законности. Это неправда, что реабилитация необоснованно репрессированных началась лишь в период горбачевской перестройки и последующих «реформ». Работу эту партия стала проводить сразу же после съезда. Причем довольно решительно. Тогда же в 1956 году были образованы специальные комиссии Президиума Верховного Совета СССР, которым поручалось без промедлений пересмотреть все дела в отношении лиц, осужденных за политические и должностные преступления и отбывающих свои сроки в местах заключения. О работе комиссий я знаю из личного опыта, поскольку был утвержден председателем одной из них. В комиссию, кроме меня – второго секретаря обкома партии [...], входили областной прокурор и член Верховного суда СССР. Комиссии были наделены чрезвычайными полномочиями. Их решения считались окончательными и подлежали немедленному исполнению [...]. За несколько месяцев напряженной работы комиссия сняла клеймо политических преступников со многих сотен без вины осужденных людей [5, с. 54].

До октября 1957 г. такими комиссиями были рассмотрены дела на 170 тыс. чел. Свыше половины из них были освобождены из-под стражи.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» все жалобы и заявления осужденных ОГПУ, «тройками» НКВД-НКГБ и Особыми совещаниями рассматривались в Прокуратуре СССР. В то же время военный трибунал Сибирского военного округа и президиумы областных судов стали пересматривать решения несудебных органов по делам, которые вели областные управления [1, с. 576].

В середине 50-х гг. в УКГБ при СМ СССР по Кемеровской области потоком шли заявления с просьбами выяснить судьбу и сообщить о месте захоронения мужа, отца, брата, указать причину смерти. Приведа в исполнение смертный приговор, органы НКВД в ответах лукавили и на все заявления беспокоящимся родственникам сообщали, что близкий им человек «умер в местах лишения свободы от болезни». Чекисты даже руководствовались специальным перечнем болезней, от которых «умирали» обвиняемые. Это делалось, видимо, не только в целях сокрытия числа расстрелянных и пропаганды гуманности советского общества, но и, возможно, в интересах снижения социальной напряженности, ведь родственники прекрасно понимали, что под арестом и следствием находился невинный человек...

Нагрузка следователей по пересмотру архивных уголовных дел превышала всякие нормы. В отдельные месяцы в производстве каждого было до трех десятков заявлений, все они находились на контроле, по каждому из них надо было найти и допросить свидетелей, а в особых случаях запросить документы с предприятий и провести экспертизы.

Одно из таких заявлений поступило в октябре 1954 г. от находящегося на спецпоселении в Красноярском крае Тимофея Ивановича Шкляра. Человек, отчаявшийся искать справедливость, свое обращение заканчивал словами: «...у меня осталась последняя надежда, что все же существует революционная законность и силы правды победят, и я буду реабилитирован...» [1, с. 576].

В конце декабря 1938 г. 33-летний директор Кузнецкого металлургического комбината Тимофей Шкляр приехал в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности с отчетом о работе руководимого предприятия. К этому времени УНКВД по Новосибирской области уже подготовило документы на его арест как «врага народа». На уведомлении о привлечении Шкляра к уголовной ответственности народный комиссар тяжелой промышленности Лазарь Каганович дал свое письменное согласие, Л.П. Берия красным карандашом начертал вердикт – «арестовать» и подписал ордер на арест [1, с. 577].

Шкляр обвинялся в том, что в 1934 г., прибыв на работу в Кузбасс, вошел в состав контрреволюционной правотроцкистской организации, по заданию которой проводил подрывную деятельность на комбинате.

1–2 декабря 1939 г. военным трибуналом Сибирского военного округа он был осужден к 20 годам ИТЛ и лишением ордена Ленина. 16 июня 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев кассационную жалобу Шкляра Т.Н., меру наказания снизила до 12 лет [1, с. 578].

Как показала проверка, сущность предъявленного обвинения фактически была сфабрикована путем грубой подтасовки действительно имевших место на комбинате событий и аварий, несчастных случаев, брака при выплавке спецсталей и т.п. Все это вменялось в вину Шкляру как результат его вредительской деятельности. В предъявленном обвинении, на следствии и в суде Шкляр себя виновным не признал. Мужество, воля, характер этого человека заслуживают большого уважения.

Было установлено, что Шкляр ни в какой контрреволюционной организации не состоял (таковой в Сталинске просто не было) и, следовательно, не мог заниматься вредительской деятельностью. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 июля 1955 г. Т.И. Шкляр реабилитирован за отсутствием состава преступления [6, с. 287–288].

Большую группу «врагов народа» составляли и чекисты. Некоторых из них уничтожали потому, что они пытались хотя бы косвенно противодействовать репрессиям, а иные, наоборот, попадали в разряд врагов за то, что слишком много знали. На таких людей впоследствии списывались все «перегибы», извращения, «вредительства в органах НКВД». Только за период с 1935 по 1939 г. в Управлении НКВД по Новосибирской области сменилось шесть руководителей.

Сложный и противоречивый процесс вымывания опытных кадров в органах госбезопасности происходил и в Кузбассе. В первую очередь освобождались от тех, кто по своим нравственным качествам не вписывался в новые реалии.

Работавший в Управлении МГБ Кемеровской области опытный чекист Александр Яковлевич Барлабанов в 1937 г. был арестован органами НКВД по навету и содержался под стражей в течение полутора лет. В феврале 1939 г. он был полностью реабилитирован [1, с. 579–580].

Непростым был жизненный путь почетного сотрудника органов госбезопасности подполковника Сашенко Михаила Ивановича, который в Анжеро-Судженском аэроклубе был одним из первых и самых опытных инструкторов. В 1937 г. по доносу его обвинили в контрреволюционной пропаганде, полгода держали под арестом и освободили в апреле 1938 г. [7, с. 169]. М.И. Сашенко с 1941 по 1945 г. воевал в штурмовой авиации. После демобилизации четверть века служил в КГБ.

6 января 1938 г. был арестован начальник Юргинского райотделения НКВД старший лейтенант госбезопасности Фриц Дитрихович Бойтман. В его лице руководство УНКВД по Новосибирской обла-

сти «узрело активного члена контрреволюционной троцкистско-шпионской организации». 19 июня 1938 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества и лишения специального звания [8, с. 386]. В сентябре 2003 г. Фриц Дитрихович Бойтман реабилитирован.

Начальник отделения Осинниковского пункта Сиблага НКВД Карл Янович Радзин был обвинен в принадлежности к шпионско-диверсионной повстанческой организации, проводящей подрывную работу на Осиновском руднике. Постановлением НКВД СССР от 15 января 1938 г. осужден к высшей мере наказания – расстрелу [9, л. 16]. В 1957 г. Военный трибунал Киевского военного округа отменил постановление Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 15.01.1958, К.Я. Радзин реабилитирован посмертно.

Это лишь немногие факты репрессивной политики в отношении сотрудников органов безопасности в Кузбассе.

Реабилитация жертв политических репрессий, проводившаяся сотрудниками управления, областной прокуратурой, Кемеровским областным и военными судами, касалась дел в отношении невинно осужденных за весь период советской власти начиная с 1917 г. Фактор времени, безусловно, сказывался на организации работы, во многих случаях уже не было живых очевидцев, составлявших свидетельскую базу, вместе с тем оставались архивные документы – единственные «живые» свидетели.

Но были и другие дела, в частности на работников органов безопасности, причастных к незаконным арестам. На основе тщательного и скрупулезного исследования документов, свидетельств очевидцев, показаний репрессированных определялась степень их участия в массовых репрессиях, устанавливалась виновность, зачастую не в пользу того или иного сотрудника органов НКВД. Так, не был реабилитирован начальник Кемеровского горотдела НКВД Монтримович [10, л. 58]. Владимир Дмитриевич Монтримович – бывший начальник Кемеровского горотдела НКВД, в 1938 г. был арестован органами НКВД за правооппортунистическую контрреволюционную деятельность, 23 августа 1938 г. решением бюро Кемеровского горкома ВКП(б) исключен из партии за правотроцкистскую контрреволюционную деятельность. В 1939 г. привлечен к уголовной ответственности за необоснованные аресты советских граждан и фальсификацию следственных дел.

Понятно, что он, как и многие другие чекисты, был заложником существующей системы: не выполни тогда указаний «сверху», его бы расстреляли за «контрреволюционный саботаж». Так было уничтожено почти несколько тысяч сотрудников НКВД. Преступление соизмеряется с законом, а не с желанием выжить. По действующим законам эти люди не могут быть реабилитированы [6, с. 482].

5 июля 1954 г. были сняты некоторые ограничения в правовом положении спецпоселенцев, осенью 1955 г. вынесено решение об освобождении от спецпоселения немцев, в декабре 1958 г. Верховный Совет принял новые Основы уголовного законодательства, упразднившие понятие «враг народа».

Вместе с тем в последующие годы ход реабилитации замедлил темпы, упоминания о репрессиях стали исчезать из средств массовой информации. Вплоть до 1980-х гг. действовали ограничения на реабилитацию троцкистов, представителей социалистических партий.

Проблемы массовых политических репрессий, реабилитации невинно пострадавших вновь сделались объектом внимания партийно-политического руководства страны лишь с приходом к власти Горбачева и провозглашением курса на демократизацию жизни советского общества. Были разработаны проекты многих постановлений партии и правительства по вопросам реабилитации, пересмотрены дела по открытым судебным процессам 1930-х – начала 1950-х гг., реабилитированы Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев и другие видные деятели партии и государства.

В 1988 г. согласно указанию Генерального прокурора и Председателя КГБ СССР на подразделения органов прокуратуры, осуществляющих надзор за следствием в органах государственной безопасности, следователей, сотрудников архивных и других подразделений органов госбезопасности была возложена обязанность по пересмотру архивно-следственных дел независимо от наличия заявлений и жалоб граждан.

Для этой работы в УКГБ по Кемеровской области была создана и действовала рабочая группа из 17 сотрудников оперативных подразделений и следователей следственного отделения [11, л. 90–91].

В январе 1989 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Указом Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов» в УКГБ был создан расширенный состав группы сотрудников, определен порядок рассмотрения дел для завершения работы по реабилитации в максимально короткие сроки [12, л. 15; 13, л. 87–88].

В апреле 1990 г. была завершена работа, связанная с реабилитацией граждан, необоснованно репрессированных в 1930–1940-е гг. [14, л. 90].

Принятие в октябре 1991 г. нового Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» дало возможность эту работу осуществлять более глубоко и последовательно. Только в Кемеровской области в этот период пересмотрено более 20 тысяч уголовных дел, по которым было реабилитировано более 50 тыс. чел. В процессе реабилитации рассекречены и стали доступными для репрессированных и их родственников более 500 тысяч листов документов [1, с. 586].

Сотрудниками архива УФСБ оказывается содействие в возмещении конфискованного имущества и выплате денежных компенсаций. Родственникам реабилитированных возвращаются сохранившиеся личные документы, рукописи, фотографии репрессированных. С момента выхода указанного закона в управлении рассмотрено более 8 тысяч обращений [1, с. 584].

С 1995 г. сотрудники управления принимают активное участие в подготовке архивных материалов для издания многотомной «Книги Памяти жертв политических репрессий Кемеровской области».

Начиная с 1998 года, Управление ФСБ принимает участие в подготовке телевизионных передач. В программах «Территория закона», «Особое мнение» рассказывалось о деятельности УФСБ по реабилитации жертв политических репрессий. В телепередаче «Щепки» речь шла о репрессированном поэте Г. Тюрке, отбывавшем наказание в Мариинске. В программах «Новости», «Новости Сибири», «Видимости» показана работа группы следователей прокуратуры, занимавшихся вопросами реабилитации [1, с. 585].

В местах массовых захоронений жертв политических репрессий в Кемерове и Новокузнецке установлены памятные знаки.

Управление с вниманием относится ко всем обращениям представителей Русской православной церкви, в частности, содействует Знаменскому кафедральному собору в Кемерове в розыске архивных материалов о священнослужителях, пострадавших в годы сталинских репрессий. Оказана помощь Московской, Астраханской, Архангельской епархиям. Деловые встречи сотрудников управления с представителями церкви освещаются журналистами в региональных телепрограммах и средствах массовой информации [1, с. 585].

В вопросах восстановления истории сталинских репрессий в Кузбассе с архивным подразделением управления активно сотрудничает член Союза писателей России С.М. Павлов [6, с. 335]. Темы репрессий и реабилитации жертв политического террора раскрыты в вышедших в последние годы книгах

УФСБ «Чекисты Кузбасса», двухтомнике «Служение Отечеству» и историко-публицистическом издании «Государственность. Законность. Честь».

В поиске документальных данных Управление ФСБ оказало помощь группе «Поиск» Тисульского района Кемеровской области, Кемеровскому госуниверситету и его Беловскому филиалу для разработки научной темы «Старообрядчество юга Западной Сибири XX века» и подготовке книги о генерале Кутепове, в создании музея в селе Инюшка Беловского района Кемеровской области [1, с. 586].

К настоящему времени работа по восстановлению справедливости, возвращению гражданам их честного имени, снятию клейма «врага народа» полностью завершена.

Вместе с тем было бы ошибочно думать, что в ходе реабилитации, пересмотра всех уголовных дел подразумевалось и поголовное оправдание всех привлеченных к уголовной ответственности. Это далеко не так.

В архиве управления на хранении находятся уголовные дела в отношении лиц, действия которых в соответствии со статьями особенной части Уголовных кодексов РСФСР и СССР подпадали под компетенцию органов безопасности, были всесторонне доказаны и квалифицированы судом как преступные. Каждое из такой категории дел также являлось предметом рассмотрения суда или прокуратуры, которые вынесли решение об отказе им в реабилитации.

Как правило, это оказывавшие помощь оккупационным немецким властям, осужденные за переход в любой форме на сторону врага, участники различных формирований фашистской Германии, привлеченные к уголовной ответственности за диверсии, шпионаж, вредительство.

Пройдет время, и работа коллектива управления по восстановлению доброго имени невинных жертв репрессий, которая является святым делом каждого сотрудника, уйдет в прошлое, но документы станут достоянием архива для востребованности новыми поколениями людей.

Библиографический список

1. Бодренков, В.А. Государственность. Законность. Честь / В.А. Бодренков. – Кемерово, 2007.
2. Ветеран госбезопасности Кузбасса. – 1997. – №1.
3. Архив УФСБ по Новосибирской области. – Ф. 23. – Оп. 2. – Пор. 27.
4. Сибирские огни. – 1990. – №6.
5. Земляки. Кузбасс в нашей судьбе. – Вып. 2. – М., 2003.
6. Онищенко, В.В. Чекисты Кузбасса / В.В. Онищенко, А.В. Добрынин. – Кемерово, 2003.
7. АнжероСудженск. 100 лет. События и люди. – Новосибирск, 1997.
8. Онищенко, В.В. Служение Отечеству. 1917–2005 гг. : в 2 кн. Кн. I: 1917–1945 гг. / В.В. Онищенко. – Кемерово, 2005.
9. Архив УФСБ по Кемеровской области (А УФСБ по КО). – Д. 3980. – Д. 1801. Ч. III.
10. Государственный архив Кемеровской области. – Ф.П. 15. – Оп. 7. – Д. 214.
11. А УФСБ по КО. – Оп. 145. – Пор. 15.
12. А УФСБ по КО. – Оп. 145. – Пор. 20.
13. А УФСБ по КО. – Оп. 145. Пор. 21.
13. А УФСБ по КО. – Оп. 145. – Пор. 26.